

Новая Время

№ 10060 ИЗДАНИЕ ПЕРВОЕ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, ВОСКРЕСЕНЬЕ, 7-го (20-го) МАРТА 1904 ГОДА.

ИЗДАНИЕ ПЕРВОЕ № 10060

дети больше обращать на себя внимания, а другая, только хорошо написанная, все мелодии мы любим ту, которая красивее других. За божественную работу старинных простили Франу. В юности красота извивала и порочность и в юности извивала бы бездариность. У нас даже талант не прощают красоте. Похвалю договорился до «скелета» — слыше идти некуда. Но талант-то ведь талант. И талант дает счастье. Публика востановилась — не все ли равно, как это случилось?

Кавальери пьеса «Манон». Я вдалеке режиссера Мавоу и не хотел бы видеть тут. Пусть другие пьесы из вокальных отношений сияют лучше Кавальери, о ее талант показать здесь настоящее режиссерское воплощение. Это была истинная романская аббата Прено, волнующая воображение до полной иллюзии. Я словно нечаянно отдалась ей констатировать, что — повторю, — быстрая редкость в театре: я была заставлена за артисткой и за собой. Музыканты удивились ее пению по достоинству, не пропустив ни одного недостатка. Только одного не заметили в ее пении: какой-то совершенно новой, импрессионистской манеры пения. А ведь это-то главный успех у публики. В современном искусстве, во всем его трагизме, совершается перемена. Импрессионизм стоит на грани этой перемены. Наши московские эстетика издадут даже особый журнал под фигуральным названием «Весь». И прочесть интересную статью. Макс Волошин «Скелет живописи». Ах! сказано: «Нам двести масляных картин рисовать некуда. Она рбжет глаза современному дождю своим анахронизмом. Она слишком тяжела и громоздка для временного места на сцене. Наши дни совершенно не созданы для масляных картин. Они конечно должны остаться, но должны найти, создать для себя подходящую обстановку. Теперь же настало время для развития всех других родов живописи. Нам принадлежит ближайшее будущее». «Искусство питанию, искусство это — обращение художника к другому человеку», — говорит далее Макс Волошин. Это же живопись, то и в литературе и в музыке. Романсы положительно вытесняют оперу. Новеллы Мопсава и Чехова замещают Бальзака и Толстого. Между прекрасными актерами и современными замещаются та же перемены. Сальвини и Шаплавский. Это сопоставление невольно приводит нас к голове после того, как Станиславский издал за Шекспира. Старый бог и новоявленный купирь представляют яркими контрастами дух совершенно различных направлений. Это — «два мира». Сальвини — неоготический, Станиславский — смертный. Но именно потому, что «искусство питанию», Шаплавский ближе к современному зрителю, чем Сальвини. Он подходит к зрителю и обращается к нему, тогда как Сальвини только исходит из человеческой души. Возвращаясь к Кавальери, надо сказать, что и в опере прежние недостатки уступили место простым смертным. «Не называй ее небесной и у земли ты отпавай», — хочется сказать о Кавальери. Она именно пьеса самой последней формации, со всеми достоинствами и недостатками современного искусства. Импрессионизм до мозга костей, ищущая выражения прежде всего и выражающая все в акциях, в деталях, она говорит с душой зрителя, невольно вызывая к себе сочувствие. В россии это впервые: она гуманизирует самых замысловатых музыкантов.

«Манон» опера мелодичная, чувственная, прекрасно передающая буколический дух XVIII века. В этом отношении она напоминает нашу «Пиковую даму». Тут все типичное французское: и эта почтовая станция, и старый добрый мальчик, и тиньская дорога, и письмо, писанное милой рукой, и маленький пятачок столика и еще больше пятачок джордана, и юнцовское платье обидного шевалье. Все операционисты из отдаленных мечтательных романсов, на которые Массе такой мастер и которые вавилоно прелестью бы звучали под аккомпанимент классики. Это опять-таки типичная, импрессионистская музыка, и для не-то и создана Кавальери. Она поет, старательно отделив все музыкальные трудности, и «вершия выводить нотки», по душе свою вкладывает только в интимную, сентиментальную часть партии. Так дти поют, так и в юности наши преобладающие дуэт «а-мольный» под аккомпанимент клавесина... И сказать, что это импрессионизм. В ее музыкальном выражении моменты получают новый оригинальный смысл. Редкая непосредственность впечатлений чувствуется в ее передаче. Еще это прекрасная стилистика. В первом действии в своем кавалонте, цвета бледной травы, Кавальери явилась настоящей старинной гравюрой, чуть-чуть тронутая красками. Она подошла к перилам лестницы — гравюра; и села на скамеечку — гравюра. «Une gravure animée». В сценах драматических ее по обыкновению появилось искреннее чувство и «афино» во второй картине прозвучало аккордом, полным слез. То, что называется «перепрыгиванием», у Кавальери, как у великой итальянки, замечалось только в минуты сильного душевного волнения. Она и впрямь совершенно нарасло прибавить к такой сильной жесткости, как в сцене ареста в четвертой картине. Но редкий момент прошел и вот снова прекрасный отклик гравюры, на этот раз весь в коротких вых тонах сени: это образ Манон в заключительной сцене. Музыка здесь полна самых задуманных излияний. Это так же хорошо, как и конец самого романа, хотя финал оперы несколько и разнится с ним. Но все равно. Слышать эти заморающие аккорды Массе так же грустно, как читать заключительные строки Прено. Гравюра проливает искренний слез и вся бледная произносит: «П вот вся история... Манон! Леско!» Нить печальнейшей смерти, чем музыкальная смерть. Ни в трагедии, ни в драме смерть не волнует меня так, как в опере. Мне все кажется, что хоронят живого человека и поют ему «взвную память». И это впрямь ужасно глупо, но все равно так есть и в во всем вполнать...

Кавальери пьеса очень большой успех. Артистка была впрямь очень счастлива, и за нее были счастливы многие. Разница была та, что успех был счастьем для Кавальери, а счастье — успехом для публики... Юр. Власов.

В загл городской думы 7 марта иметь быть духовный концерт в пользу Новосельского ярославского благотворительного общества. Поет усиленный хор Экономии заготовления государственных бу-

жиг под управлением г. Тернова, регента митрополитского хора. В программе стоять произведения Гречанинова, Глинки, Кастальского, Турчанинова, Паченко, Бортнянского и др. В концерт принимают участие артисты Императорского театра К. П. Михайлов-Стойко, П. М. Сафонов и К. Т. Серебряков, которые исполняют три пьесы solo. Нужно надеться, что благотворительная дль концерта, интересная программа и участие видных сил привлекут внимание публики к этому концерту.

В воскресенье, 7-го марта, в Новом театре назначен 84 общедоступный симфонический концерт оркестра и хора графа А. Д. Шереметева, при участии гг. Чуриленникова и Викторова. В первый отделен будет исполнена «героическая» симфония Бетховена, во втором — «Григориана» — собрание пяти фортепианных пьес Грога, оркестровых пьес г. Владимира, гимн г. А. Татеева «Вокз, Царя храни» (на слова Пушкина), два отрывка из интересной и мало известной оратории покойного Фигингофа-Шела «Ювент Дамаскит» (г. Викторова, хор и оркестр) и два отрывка из «Нижнегородцев» г. Наумовича. Начало в 2 часа.

В № 10051 «Нового Времени» было сообщено из Москвы, что комитет Общества русских драматических писателей постановил отчислять в пользу Красного Креста половину авторских и соискательских, на которых идут пьесы членов Общества. Это сообщение не было и уже многих введло в заблуждение. Постановление комитета касается исключительно спектаклей, даваемых в пользу Красного Креста, на афишах которых изображены знаки Красного Креста и сборы полностью поступают в пользу этого учреждения. Что же касается всех других спектаклей, то с какой бы благотворительной целью они ни давались, авторами с них получают полностью, на общих основаниях.

В Панаевском театре теперь подается опереточная группа под новым режиссерством г. Полтавцева. Ставятся там новые оперетки: «Интрига», «Черешневый сад», «Юлия Цезарь» и «Нерон». Кроме того в этом театре подается обзорные «Тайны Петербурга». 8 марта впервые идет оперетта-пародия «Черешневый сад» при участии талантливой г-жи Шаранты.

В цирке Чинизелли возобновляются с 7-го марта представления будут продолжаться до 28-го марта окончательно. Во всех этих спектаклях примет участие г-жа Дюро, совершающая на воздушном шаре полет над ареной цирка.

Г. А. Воронков.

ТЕАТР И МУЗЫКА.

Не все ли равно, как приходит счастье? Вы счастливы, стало быть что тут разсуждать. В театре это испытывали рд-но, но всетаки испытывали. Когда на сцене талант, не идет в расчет даже то, как чувства он возбуждает: горе ли, радость ли, отчаяние или ужас. Одно только счастье чувствуешь. Это счастье и за себя, и за талант, — даже больше за талант, чем за себя.

Вот поет Кавальери. Я о ней много писал и теперь нарочно выдал, пока не вынажится присяжная музыкальная критика. Но присяжная критика по части похвалы голое Кавальери превзошла и меня. Большие успехи пьесы были засвидетельствованы всеми. Кто-то в бесцельной злобе написал гадость, назвав Кавальери «скелетом» и прийдясь на счет ее прославленной красоты. Ах, эта красота! Видь вот говорить, что и весь успех Кавальери только из-за одной красоты. Неправда. Почему же раньше такого успеха не было? Не потому ли, что тогда было неудобно? Но ведь у нас только и занимаются кафе-пантавоном. А красота тогда была еще больше. Но без единой искры таланта всякая красота мертва есть. Теперь обаялся талант. В соединении с красотой это большая редкость. И именно та Кавальери, что она прекрасна? Красота всегда имела притягательную силу и в жизни, и в искусстве. Если картина не только хорошо написана, но еще и красива, она